

НАДЕЖДА ПОТОМНИКА

ЦЕНА ЛЮБВИ

ПРАВО ЗАКРЫТЬ ДВЕРЬ

ЧАСТЬ 3

ЛОЖЬ
МАНИПУЛЯЦИИ
ДОЛГИ
УГРОЗЫ
ПОЛИЦИЯ

Иногда
закрытая дверь —
это не конец,
а начало
настоящей жизни.

ПОЛНАЯ ЗАПИСЬ
РАСКРЫВАЕТ ПРАВДУ

РАЗВОД

ЗАЩИТА РЕБЁНКА

СУД

НОВАЯ ЖИЗНЬ

Будущее
начинается
с решения

СПОКОЙСТВИЕ
ВЫБОР
СВОБОДА
Я
♥

Я
выбираю
безопасность.
Я выбираю
нас.

Я имею
право
закрыть
дверь.

Мы
сильнее,
чем
прошлое

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ СЕМЕЙНЫЙ ТРИЛЛЕР
О ОТВЕТСТВЕННОСТИ, КОТОРАЯ ДЕЛАЕТ НАС СИЛЬНЕЕ.

Надежда Порошина

ЦЕНА ЛЮБВИ. Часть

3. Право закрыть дверь

<https://litres.ru/74413254>

SelfPub; 2026

Аннотация

После разоблачения Андрея Лина остаётся с Павлом и последствиями его лжи: долгами, угрозами, полицией и борьбой за безопасность ребёнка. Муж пытается представить её неуравновешенной матерью, но полная видеозапись раскрывает правду, которую он намеренно вырезал.

Андрею предстоит ответить за служебные деньги и решить, действительно ли он готов лечиться без гарантии возвращения семьи. Лине — пройти развод, выдержать давление и научить сына тому, чего не умели взрослые: ошибка не лишает человека любви, но любовь не отменяет последствий.

Финальная часть психологического семейного триллера — о зависимости, ответственности и праве закрыть дверь, даже если человек за ней наконец научился стучать.

Содержание

ЧАСТЬ III. ЖИЗНЬ ПОСЛЕ ЛЖИ. Глава 21.	4
Чужие долги	
Глава 22. Плакать можно	29
Глава 23. То, что он называл любовью	49
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Надежда Порошина

ЦЕНА ЛЮБВИ. Часть

3. Право закрыть дверь

ЧАСТЬ III. ЖИЗНЬ ПОСЛЕ ЛЖИ. Глава 21. Чужие долги

Утро началось без Андрея.

Не с хлопка двери, не с его будильника и не с просьбы найти чистую рубашку. Никто не включил в ванной воду, не оставил амокрое полотенце на кровати, не спросил, где лежат ключи, хотя они находились на обычном месте.

В квартире было тихо.

Лина открыла глаза и несколько секунд не могла понять, что изменилось. Потом увидела Павла, спящего рядом, и вспомнила всё сразу: миллион, деньги матери Андрея, служебный счёт, тёмную машину, коробки под дождём.

Она осторожно высвободила руку из-под головы сына.

Павел тут же проснулся.

— Ты куда?

— На кухню.

— А потом?

— Приготовлю завтрак.

— А потом?

— Мы поедим.

— А потом?

Лина обернулась.

Мальчик сидел на кровати, прижимая к груди синюю машинку. В его глазах не было обычного утреннего любопытства. Он проверял её планы, будто пытался убедиться, что мать не исчезнет, пока он снова не уснул.

— Потом мы весь день будем вместе, — сказала она.

— Ты не уйдёшь наводить порядок?

— Сегодня нет.

Павел выдохнул и снова лёг.

Лина прошла на кухню. На холодильнике висел его рисунок: мама, мальчик и отец рядом с чёрным прямоугольником. Вчера она воспринимала этот экран как символ зависимости Андрея. Сегодня заметила другое.

У дома не было двери.

Она достала телефон.

За ночь пришло двадцать семь сообщений.

Пять — от Валентины Петровны. Она требовала сообщить, где находится Андрей, обвиняла Лину в жестокости и напоминала, что «в браке люди обязаны спасти друг друга».

Три — от Сергея.

«Время вышло».

«Сумма выросла».

«Не советую прятаться».

Остальные отправил Андрей.

Первые были короткими:

«Я в полиции».

«Это недоразумение».

«Вадим меня подставил».

Потом тон изменился:

«Ты должна подтвердить, что деньги пошли на нужды семьи».

«Скажи, что я покупал технику для дома».

«Если мы будем говорить одно и то же, всё решится».

Дальше:

«Подумай о Павле. Ему не нужен отец с судимостью».

«Это из-за тебя я не смог остановиться».

«Ты выгнала меня в самый трудный момент».

Последнее сообщение пришло в четыре семнадцать:

«Я согласен лечиться, если ты заберёшь заявление и скажешь на работе, что ошиблась».

Лина перечитала его дважды.

Условие.

Даже лечение он превратил в сделку.

Она сделала снимки экрана и сохранила их в отдельную папку. Раньше Лина удаляла неприятные сообщения, словно вместе с ними можно было стереть случившееся. Теперь она сохраняла всё: даты, обещания, угрозы, противоречия.

На листе бумаги написала:

«Не отвечать сразу».

Ниже:

«Не оправдываться».

И ещё:

«Не соглашаться из страха».

Лина прикрепила лист к холодильнику рядом с рисунком Павла.

В семь утра позвонила Мария.

— Вы как?

— Павел проснулся. Сейчас будем завтракать.

— Андрей нашёлся?

— Да. Полиция обнаружила его в игровом клубе.

— Господи...

— Он пытался проиграть оставшиеся служебные деньги.

Мария долго молчала.

— Я приеду.

— Не нужно. Мы справимся.

— Я не потому, что вы не справитесь. Я хочу быть рядом.

Лина посмотрела на сына, появившегося в дверях кухни.

Он волочил за собой одеяло.

— Приезжай, — сказала она.

На завтрак Павел попросил овсяную кашу, но, когда Лина поставила тарелку перед ним, отодвинул её.

— Я хотел с бананом.

— Бананы закончились. Есть яблоко.

Он нахмурился.

— Не хочу яблоко.

— Тогда можешь съесть кашу без фруктов.

Павел посмотрел на мать, затем на тарелку. Поднял ложку и вдруг бросил её на пол.

Металл ударился о плитку.

Мальчик замер.

Лина тоже.

Несколько секунд они смотрели друг на друга.

Павел побледнел.

— Я нечаянно.

Лина видела, что он сделал это намеренно. Видела злость в его движении. Но сильнее злости был страх, пришедший сразу после неё.

— Ты рассердился, потому что нет банана?

— Нет.

— Можно сердиться.

Павел соскользнул со стула и попятился к стене.

— Я больше не буду.

— Подними ложку, пожалуйста.

— Я хороший.

— Я знаю.

— Неставляй меня!

Он бросился под стол и закрыл голову руками.

Лина почувствовала, как внутри всё оборвалось.

— Павел, я неставляю тебя.

— Я нечаянно! Я не хотел! Я всё съем!

Он схватил ложку, забрался обратно на стул и начал быстро глотать кашу. Почти не жевал, давился, размазывал её по подбородку.

Лина забрала тарелку.

Павел заплакал.

— Я буду есть! Мамочка, я буду!

— Тихо. Всё хорошо.

— Верни! Я всё съем!

Она опустилась перед ним на колени.

— Тебе не нужно есть то, что ты не хочешь, чтобы остаться со мной.

— Но я бросил ложку.

— За это ты поднимешь её и положишь в раковину. Это последствие. А из дома тебя никто не выгонит.

— Папу же выгнали.

Лина взяла салфетку и вытерла ему лицо.

— Папа взрослый. Он не просто бросил ложку или рассердился. Он много раз делал то, из-за чего нам становилось страшно и небезопасно.

— А если я много раз брошу?

— Будешь много раз поднимать.

Павел перестал плакать.

— И всё?

— Потом мы поговорим, почему ты бросаешь ложку.

— А дверь закроешь?

— Входную — да. Чтобы дома было безопасно. Тебя за

дверью не оставляю.

Он посмотрел на неё недоверчиво.

Лина поняла: одного разговора недостаточно. Павел будет проверять её снова и снова. Ломать, спорить, отказываться, возможно, лгать — только чтобы убедиться, что любовь действительно не исчезает после ошибки.

В девять часов она позвонила детскому психологу.

Специалиста посоветовала знакомая Марии. Лина коротко описала, что происходило дома: зависимость отца, крики, требования купить вино, страх ребёнка, внезапное раздельное проживание.

— Сколько лет мальчику? — спросила психолог.

— Три.

— Он видел физическое насилие?

Лина посмотрела на своё запястье. След от пальцев почти исчез.

— Отец хватал меня за руку. Павел это видел. Ещё Андрей ходил за мной по квартире, кричал и повторял одно и то же. Сын прятался.

— Как ребёнок ведёт себя сейчас?

— Боится, что я его выставлю из дома. Говорит, что должен быть хорошим. Постоянно спрашивает, куда я уйду и вернусь ли.

— Это тревожные признаки. Но сейчас важнее не пугаться их, а дать ребёнку предсказуемость. Привычный режим, простые правила, никаких взрослых подробностей о долгах и

полиции. И не обещайте того, чего не можете гарантировать.

— Например?

— Не говорите, что папа скоро выздоровеет или обязательно вернётся. Лучше: «Я не знаю, когда вы увидите. Я скажу тебе, когда решение будет принято».

— А если Андрей потребует встречи?

— Сначала нужно оценить его состояние и безопасность контакта. Приходите сегодня одна. Завтра или послезавтра приведёте Павла, если он будет готов.

Они договорились на четыре часа.

Следующий звонок был юристу.

Лина включила ноутбук Марии — свой старый она оставила у неё после переезда — и разложила перед собой документы.

— Начнём с главного, — сказал юрист. — Долг частному лицу вы не признаёте. Расписку не подписывали, денег не получали, согласия на заём не давали.

— Но мы состоим в браке.

— Сам по себе брак не превращает любой долг одного супруга в общий. Тот, кто требует взыскания, должен доказать, что деньги использовались на нужды семьи. Ставки, тайные кредиты и погашение личных долгов семейными расходами не являются.

— Андрей просит сказать, что деньги пошли на дом.

— Не говорите этого, если это неправда. Даже чтобы помочь ему. Особенно чтобы помочь ему.

Лина записала.

— А служебные деньги?

— Это отдельная история. Ничего не подтверждайте и не опровергайте от имени мужа. Рассказывайте только то, что знаете лично. Не додумывайте.

— Его могут посадить?

— Пока рано говорить. Сначала установят его роль, движение денег, наличие умысла и участие других лиц.

— Он написал, что согласен лечиться, если я заберу заявление.

— Это манипуляция. Лечение не должно зависеть от вашего поведения.

— Я хочу подать на развод.

Произнеся это, Лина замерла.

Юрист выдержал паузу.

— Вы уверены?

— Да.

Внутри ожидался взрыв: страх, вина, желание немедленно забрать слова обратно. Но ничего не произошло. Только стало легче дышать.

— Тогда подготовим заявление, — сказал юрист. — Поскольку есть несовершеннолетний ребёнок, вопрос будет решаться через суд. Одновременно нужно определить место проживания Павла и порядок общения с отцом.

— Я не хочу запрещать им видеться навсегда.

— Этого сейчас никто не требует. Ваша позиция может

быть такой: контакты возможны при трезвом состоянии Андрея, отсутствии угроз и с учётом психологического состояния ребёнка. На первом этапе — в присутствии третьего лица или специалиста.

— Его мать будет против.

— Суд принимает решение не по желанию бабушки.

Лина записала и это.

— Ещё рекомендую сменить пароли, проверить кредитную историю, запретить дистанционную выдачу новых займов, уведомить банк о спорных операциях и отделить все финансовые доступы.

До полудня она меняла пароли.

Электронная почта. Банк. Облачное хранилище. Личный кабинет мобильного оператора. Социальные сети.

В семейном аккаунте Андрей всё ещё был указан как доверенное лицо. Одним нажатием Лина отозвала доступ.

Затем запросила кредитную историю.

Пока система формировала отчёт, она нашла среди документов копию своего паспорта. На полях рукой Андрея было написано:

«Подтверждение дохода Л.»

Ниже стояли цифры.

Лина не знала, к чему относилась запись.

Она сфотографировала лист.

Отчёт пришёл через несколько минут. Незнакомых кредитов на её имя не было. Но в разделе запросов отобража-

лись три обращения финансовых организаций за последний месяц.

Кредиты не выдали.

Кто-то пытался их получить.

Лина позвонила в каждую организацию. В первой сообщили, что заявка не прошла автоматическую проверку. Во второй отказались раскрывать сведения по телефону. В третьей подтвердили: заявление подавалось через интернет, но идентификацию клиент не завершил.

— С какого номера? — спросила Лина.

— Последние четыре цифры — сорок восемь шестнадцать.

Она посмотрела на упаковку от второй сим-карты.

Номер оканчивался теми же цифрами.

Андрей пытался взять кредит на её имя.

Лина почувствовала тошноту, но заставила себя записать дату, время и имя сотрудника. Потом сообщила юристу и капитану Крылову.

В два часа дня Валентина Петровна приехала без предупреждения.

Она позвонила в домофон.

— Открой.

— Нет.

— Мне нужно увидеть Павла.

— Сегодня встречи не будет.

— Тогда выйди сама.

— Мы можем говорить по телефону.

— Я стою у твоего подъезда, как чужая!

— Потому что приехали без приглашения.

— Ты не можешь отрезать нас от ребёнка!

Павел услышал голос бабушки через домофон и прибежал в прихожую.

— Это баба Валя?

Лина отключила звук.

— Да.

— Она принесла конфеты?

— Не знаю.

— Пусти её.

В домофон снова позвонили.

— Почему нельзя? — спросил Павел.

Лина присела рядом.

— Потому что бабушка сейчас сердится и не готова разговаривать спокойно.

— Она тоже плохая?

— Нет. Но даже хорошие люди иногда делают то, что нам не подходит.

— А папа с ней?

— Нет.

— Тогда можно открыть.

Лина покачала головой.

— Нет.

Павел нахмурился.

— Ты жадная!

Он ударил её ладонью по плечу.

Удар был слабым, почти детским хлопком. Но после него мальчик испуганно отдёргнул руку.

Лина перехватила её — мягко, не сжимая.

— Бить нельзя.

— Я нечаянно.

— Ты рассердился и ударил. Это не нечаянно.

Губы Павла задрожали.

— Теперь ты меня выгонишь?

— Нет. Но я не разрешу тебя бить.

— А папа тебя бил?

Лина посмотрела на сына.

— Он хватал меня. Мне было больно и страшно.

Павел опустил глаза.

— Он сказал, что не хватал.

— Ты сам это видел.

— Папа сказал, тебе показалось.

В прихожей словно стало холоднее.

Андрей успел поговорить с ребёнком об этом. Когда? Возможно, на следующий день после той ночи. Возможно, пока Лина была в ванной или готовила завтрак.

Он не просто отрицал случившееся перед ней. Он учил Павла не доверять собственным глазам.

— А что видел ты? — спросила Лина.

Мальчик долго молчал.

— Ты сказала: «Отпусти». А папа сказал: «Купи вина».

— Значит, тебе не показалось.

— Но папа взрослый.

— Взрослые тоже могут говорить неправду.

— И мамы?

Лина кивнула.

— И мамы.

— Ты мне говоришь неправду?

Она могла сказать «нет». Простое слово успокоило бы его.

Но тогда ничем не отличалась бы от Андрея.

— Иногда я могу ошибиться или испугаться и сказать не совсем правду. Но я буду стараться признавать это и исправлять.

— А папа исправит?

— Я не знаю.

Домофон продолжал звонить.

Наконец Валентина Петровна ушла. Через минуту пришло сообщение:

«Если ты добровольно не покажешь ребёнка, мы обратимся в опеку. Андрей имеет такие же права, как ты».

Лина переслала сообщение юристу.

Не отвечая.

В кабинете психолога было светло и тихо. На полках стояли фигурки животных, деревянный дом, машинки и коробки с карандашами.

Психолога звали Елена Сергеевна. Она предложила Лине

чай и не стала сразу открывать блокнот.

— Расскажите не о муже, а о себе, — попросила она.

Лина растерялась.

Последние дни все спрашивали об Андрее: где он, сколько проиграл, что сказал, кому должен. Даже рассказывая о собственной жизни, Лина начинала с него.

— Я не знаю, с чего начать.

— С того момента, когда вы впервые поняли, что вам страшно.

Лина вспомнила не ночь с вином.

Не звонок Сергея.

Даже не признание о миллионе.

Первым пришёл в память парк. Андрей смотрел в телефон, а Павел вышел на дорожку перед велосипедом. Тогда Лина испугалась за сына, но почти сразу убедила себя, что такое могло случиться с каждым.

Потом были голос, разбитая чашка, кредиты, ложь, крепкая рука на запястье.

— Я всё время находила объяснение, — сказала она. — Устал, перенервничал, боится потерять работу, хочет обеспечить семью. Когда одно объяснение переставало работать, я придумывала другое.

— Зачем?

— Чтобы не принимать решение.

— Какое?

— Уйти.

— А теперь?

Лина посмотрела на свои руки.

— Теперь решение принято. Но мне кажется, что я должна постоянно доказывать, почему имею на него право.

— Кому?

Она хотела ответить: Андрею, его матери, Сергею, полиции, будущему суду.

Но честный ответ был другим.

— Себе.

Елена Сергеевна сделала короткую запись.

— Вы рассказали Павлу о разводе?

— Нет. Только сказала, что отец пока не будет жить с нами.

— Это правильно. Ребёнку нужна информация, соответствующая его возрасту. Но важно не оставлять его в неопределённости надолго.

— Он думает, что я могу выставить и его.

— Потому что для трёхлетнего ребёнка причина ухода отца непонятна. Он связывает события с собой. Папа ушёл после того, как Павел мог капризничать, прятать игрушку или плакать. Значит, в его представлении, уход мог стать наказанием за плохое поведение.

— Как это исправить?

— Не одним разговором. Повторяющимися действиями. Спокойными границами. Предсказуемостью. Возможностью ошибаться и не терять связь с вами.

— Он сегодня ударил меня.

— Что вы сделали?

Лина рассказала.

— Хорошая реакция. Вы не разрешили удар, но не отвергли ребёнка. Граница и любовь могут существовать одновременно.

Лина впервые за много дней заплакала.

Не громко. Слёзы просто потекли по щекам.

— Почему я раньше этого не понимала?

— Возможно, потому что вам тоже казалось, что любовь нужно доказывать терпением.

После консультации они договорились о встрече с Павлом.

На улице уже темнело. Лина вышла из здания и увидела Андрея.

Он стоял на другой стороне дороги.

Без куртки, в мятой рубашке, с серым лицом. Рядом находилась Валентина Петровна.

Лина остановилась.

Мать Андрея что-то сказала сыну и подтолкнула его вперёд.

Он перешёл дорогу.

— Я не буду подходить близко, — произнёс Андрей. — Только поговорим.

— Откуда ты узнал, где я?

Он посмотрел на здание.

— Мама увидела адрес в твоём телефоне.

— В моём телефоне?

Лина повернулась к Валентине Петровне.

Та осталась на другой стороне, сжимая сумку.

— Когда она получила к нему доступ?

— Раньше. Ты оставляла телефон на кухне у неё дома.

Лина вспомнила вчерашний вечер у Марии. Телефон лежал возле чайника, пока она укладывала Павла. Валентина Петровна приходила туда со школьным заключением.

Пока они разговаривали, она могла увидеть уведомление о записи к психологу.

— Вы следили за мной?

— Я хотел убедиться, что с Павлом всё нормально.

— Павла здесь нет.

Андрей перевёл взгляд на дверь центра.

— Ты водишь моего сына к психиатрам?

— Я пришла одна.

— Зачем?

— Это не твоё дело.

— Всё, что касается нашей семьи, моё дело.

— Семьи, которую ты использовал как объяснение для долгов?

Его лицо дёрнулось.

— Я не крал деньги.

— Пусть это установит полиция.

— Вадим подделал документы. Он сказал, что перевод

временный. Я думал, деньги вернутся после матча.

— Ты поставил их.

— Я хотел закрыть все долги сразу.

— Чужими деньгами.

— Другого выхода не было!

— Был. Не ставить.

Андрей провёл ладонью по лицу.

— Я согласился на лечение.

— Без условий?

Он отвёл глаза.

— В клинике дорого. Мама нашла государственный центр. Завтра поедem на консультацию.

— Это хорошо.

— И всё?

— А что ты хочешь услышать?

— Что дашь мне шанс.

— Нет.

Он посмотрел на неё с обидой.

— Значит, лечиться уже бессмысленно?

— Если ты лечишься только ради того, чтобы я вернулась,
— да. Потому что я не вернусь.

— Ты не можешь знать заранее.

— Могу.

— У нас сын.

— Поэтому я и не вернусь.

Андрей подошёл ближе. Лина отступила.

— Не приближайся.

Он остановился.

— Я не трону тебя.

— Ты уже говорил, что не хватал меня. И сказал Павлу, что ему показалось.

Андрей побледнел.

— Он ребёнок. Зачем ты вытягиваешь из него такие вещи?

— Я ничего не вытягивала. Он повторил твои слова.

— Я хотел его успокоить.

— Ты хотел, чтобы он не верил себе.

— Неправда.

— Тогда почему ты сказал ему, что он ничего не видел?

Андрей посмотрел на мать.

Валентина Петровна перешла дорогу.

— Хватит устраивать допрос на улице, — сказала она. — Он всю ночь провёл в полиции, ему плохо.

— Зачем вы просмотрели мой телефон?

— Я случайно увидела сообщение.

— И передали адрес Андрею.

— Он отец и имеет право знать, куда ты водишь ребёнка.

— Павла здесь не было.

— Мы не могли этого знать.

Лина достала телефон.

— Я сейчас вызову полицию и сообщу о преследовании.

— Не смей угрожать моей матери! — Андрей шагнул впе-

рёд.

Лина нажала кнопку экстренного вызова.

Он остановился.

На несколько секунд все трое замерли.

— Уберите телефон, — тихо сказала Валентина Петровна. — Мы уходим.

Она взяла Андрея за локоть.

Он не сопротивлялся. Только посмотрел на Лину долгим, тяжёлым взглядом.

— Ты пожалеешь, когда Павел спросит, почему у него нет отца.

— У него есть отец, — ответила Лина. — Но отец должен стать безопасным для собственного ребёнка.

— Ты хочешь отнять у меня сына.

— Я хочу перестать отдавать ему наш страх.

Андрей развернулся и пошёл к машине матери.

Перед тем как сесть, крикнул:

— Я всё равно его увижу!

Лина не ответила.

Она дождалась, пока машина уедет, и сообщила психологу, что Андрей и его мать выяснили адрес центра. Елена Сергеевна предложила перенести детскую встречу на другое время и напомнила: любые попытки давления необходимо фиксировать.

По дороге домой Лина забрала Павла у Марии.

В квартире мальчик сразу заметил новый лист на холо-

дильнике.

— Что тут написано?

— Правила для мамы.

— У мам тоже есть правила?

— Конечно.

— Прочитай.

Лина указала на первую строку:

— «Не отвечать сразу».

— Почему?

— Чтобы подумать.

— Дальше.

— «Не оправдываться».

— Это как?

— Не доказывать всем, что я имею право сказать «нет».

— А последнее?

— «Не соглашаться из страха».

Павел задумался.

— Мне тоже можно такое правило?

— Можно.

Он принёс зелёный фломастер.

— Напиши мне.

— Какое?

Мальчик нахмурил лоб, старательно подбирая слова.

— Если я ошибся, мама остаётся.

Лина написала.

Павел попросил прикрепить лист рядом со своим рисун-

КОМ.

Телефон завибрировал.

Пришло уведомление из личного кабинета банка:

«Вход в систему выполнен с нового устройства».

Лина мгновенно заблокировала приложение и позвонила в службу безопасности.

— Доступ уже прекращён, — сообщил сотрудник после проверки. — Попытка входа была выполнена по старому паролю, но подтверждение не завершено.

— С какого номера?

Он назвал последние цифры.

Сорок восемь шестнадцать.

Вторая сим-карта Андрея.

Лина посмотрела на время.

Попытка входа произошла десять минут назад — уже после того, как Андрей уехал с матерью.

Значит, либо второй телефон снова был у него, либо им пользовался кто-то другой.

Через минуту пришло сообщение от неизвестного абонента:

«Если ты заблокировала деньги, Сергей пойдёт к твоей матери. Андрей назвал ему адрес».

Лина молча переслала сообщение капитану Крылову.

Затем позвонила Марии.

— Мам, проверь дверь.

— Что случилось?

— Закрой замки и никому не открывай. Я сейчас вызову полицию к твоему дому.

— Лина, кто-то идёт по лестнице.

В трубке раздался звонок в дверь.

Потом мужской голос:

— Мария Николаевна, откройте. Нам нужно поговорить о долге вашего зятя.

Лина уже набирала номер экстренной службы.

Чужие долги снова пришли к её семье.

Но теперь они встретили закрытую дверь.

Глава 22. Плакать можно

— Мам, не открывай дверь, — сказала Лина. — Полиция уже едет.

— Он стучит.

Голос Марии дрожал, но она старалась говорить тихо.

— Отойди от двери. Зайди в комнату и закройся.

— А если он начнёт ломать замок?

— Не начнёт. Слышишь меня? Помощь уже едет.

Лина сама не знала, откуда взялась эта уверенность. Возможно, она говорила не только матери, но и себе.

На заднем плане снова раздался звонок.

— Мария Николаевна, — произнёс мужчина за дверью.

— Я знаю, что вы дома. Мне не нужен скандал. Мне нужно поговорить.

Это был Сергей.

Лина узнала его спокойный голос.

— Не отвечай ему, — сказала она.

— Он знает моё имя.

— Андрей всё ему рассказал.

В коридор вышел Павел.

— Бабушке страшно?

Лина приложила палец к губам и включила громкую связь.

Сергей снова постучал.

— Я подожду пять минут. Если вы не откроете, потом не говорите, что не знали о последствиях.

Павел прижался к ноге Лины.

— Это папа?

— Нет.

— А кто?

— Человек, которому папа должен деньги.

— Он заберёт наш дом?

Лина почувствовала вспышку злости. Павел не должен был знать таких слов. Не должен был стоять посреди прихожей и слушать, как взрослый мужчина угрожает его бабушке из-за отцовских долгов.

Она отключила громкую связь.

— Никто не заберёт наш дом. Иди в комнату, пожалуйста.

— Я не хочу один.

Лина взяла его за руку и отвела на кухню. Посадила за стол, дала карандаши и лист бумаги.

— Нарисуешь мне крепкую дверь?

— А ты куда?

— Останусь рядом.

Она снова поднесла телефон к уху.

— Мам, ты слышишь сирену?

Мария прислушалась.

— Кажется, да.

Через несколько секунд Сергей перестал стучать. Послышались шаги, затем мужские голоса.

— Полиция, предъявите документы.

Лина закрыла глаза.

Только теперь она позволила себе выдохнуть.

— Мам, не открывай, пока сотрудники не представятся.

— Хорошо.

Павел водил чёрным карандашом по бумаге. Дверь получалась огромной — почти во весь лист. Ручки на ней не было.

— Почему её нельзя открыть? — спросила Лина.

— Чтобы плохой дядя не вошёл.

— А как же мы будем выходить?

Мальчик задумался.

— Никак.

Через несколько минут Мария сообщила, что Сергея отвели вниз. Полицейские попросили её написать объяснение и показать сообщения, которые приходили Лине.

— Я сейчас приеду, — сказала Лина.

— Не надо. Оставайся с Павлом.

— Ты уверена?

— Да. Здесь полиция. Я справлюсь.

В голосе матери ещё слышался страх, но появилось и другое — твёрдость.

— Только пришли мне снимки сообщений, — попросила Мария.

Лина открыла переписку с неизвестным номером.

«Ваш муж обещал вернуть деньги сегодня».

«После шести сумма изменится».

«Если ты заблокировала деньги, Сергей пойдёт к твоей матери».

Она переслала снимки и уже собиралась закрыть телефон, когда заметила последние четыре цифры номера отправителя.

Лина медленно повернулась к столу, на котором лежала найденная упаковка от сим-карты.

Она подняла её и прочитала номер полностью.

Совпадала каждая цифра.

Сообщения с угрозами приходили со второй сим-карты Андрея.

Лина села.

В квартире стало так тихо, что она слышала, как грифель карандаша царапает бумагу.

— Мам, дверь крепкая, — сказал Павел. — Теперь никто не придёт.

Она не ответила.

Первой мыслью было: Сергей пользуется телефоном Андрея.

Второй: аппарат мог находиться у Вадима.

Третью Лина не хотела допускать.

Андрей сам отправлял ей угрозы от имени кредитора.

Он мог рассчитывать, что испуганная жена найдёт деньги. Снимет их со счёта Павла, займёт у матери, возьмёт кредит

— сделает всё, чего он не сумел добиться просьбами.

Лина позвонила капитану Крылову.

— Номер, с которого мне писали, принадлежит мужу.

— Вы уверены?

— У меня упаковка от его второй сим-карты. Все цифры совпадают.

— Сфотографируйте её с двух сторон и ничего не выбирайте.

— Сергей сейчас у дома моей матери.

— Его опрашивают. Он утверждает, что сообщений вам не отправлял.

— Он врёт?

— Возможно. Но при нём телефона с этим номером нет. У него другой аппарат и другой номер.

— Значит, писал Андрей?

— Пока мы можем утверждать только то, что сообщения отправлены с сим-карты, оформленной или используемой вашим мужем. Кто именно держал телефон в руках, нужно устанавливать.

— Сергей угрожал моей матери.

— Прямых угроз сотрудники не слышали. Он требовал связаться с Андреем и говорил о последствиях. Ваше заявление всё равно зарегистрируют. Записи звонков и переписку приложат.

— Его отпустят?

— Если не будет оснований для задержания — да.

Лина почувствовала возмущение, но заставила себя слушать дальше.

— Это не значит, что обращение бесполезно, — добавил капитан. — Теперь каждый визит и сообщение зафиксированы. Если давление продолжится, у нас будет последовательность событий, а не отдельный эпизод.

— Андрей сейчас у вас?

— После объяснений его отпустили. Обязали являться по вызову. Материалы по служебным деньгам пока проверяются.

— Он говорил, где находится второй телефон?

— Утверждает, что потерял его три дня назад.

Лина посмотрела на сообщение, отправленное меньше часа назад.

— Очень удобно.

— Это проверят. Не связывайтесь с ним по этому номеру. И не предупреждайте, что обнаружили совпадение.

— Почему?

— Если аппарат у него или у другого участника, человек может его уничтожить.

Лина пообещала молчать.

Это было непривычно. Раньше, обнаружив ложь, она сразу шла к Андрею. Показывала доказательства, требовала объяснений и слушала новую версию. Тем самым давала ему возможность понять, что именно ей известно, и придумать более подходящую историю.

Теперь она не собиралась помогать ему лгать точнее.

Мария позвонила через полчаса.

— Они ушли.

— Сергей тоже?

— Да. Он сказал полицейским, что никому не угрожал и приехал только узнать, где Андрей.

— Он разговаривал с тобой?

— При сотрудниках. Утверждал, что Андрей сам предложил приехать ко мне за деньгами.

— Когда?

— Сегодня днём. Якобы позвонил и сказал, что я помогу закрыть долг.

Лина сжала телефон.

— Андрей сообщил ему, что ты согласна?

— Да.

— Но ты с Андреем не разговаривала.

— С той ночи ни разу.

Ещё одна ложь, в которой Андрей распоряжался чужим согласием.

— Мам, не оставайся сегодня одна.

— Я поеду к вам.

— Хорошо.

— Лина, почему этот человек сказал, что ты уже обещала продать машину?

— Что?

— Сергей утверждает, что Андрей говорил с тобой. Что

вы решили продать автомобиль и отдать ему деньги.

Лина подошла к окну. Машина стояла во дворе на прежнем месте.

Автомобиль был куплен в браке, но оформлен на неё. Андрей несколько раз предлагал продать его, объясняя, что семье хватит одной машины. Лина отказывалась, потому что возила Павла в сад и поликлинику.

— Я ничего не обещала.

— Тогда заberi документы и ключи.

Лина бросилась в прихожую.

Ключи лежали в сумке. Свидетельство о регистрации она всегда хранила в бардачке.

Она выглянула во двор.

Возле машины стоял мужчина в капюшоне.

Лина быстро сфотографировала его через окно. Мужчина дёрнул водительскую дверь, заглянул внутрь, затем достал телефон.

Павел подбежал к окну.

— Это папа?

— Отойди, пожалуйста.

Лина увеличила фотографию.

Не Андрей.

Вадим.

Она узнала его по профилю и короткой бороде.

Лина снова позвонила в полицию.

Пока она называла адрес, Вадим обошёл машину и присел

возле переднего колеса. Через несколько секунд поднялся и быстро пошёл к выходу со двора.

— Он уходит, — сказала Лина.

— Не выходите за ним. Наряд направлен.

Вадим скрылся за углом.

Лина продолжала смотреть на машину. Ей казалось, что он мог что-то оставить под ней или повредить колесо.

Через пятнадцать минут приехали сотрудники. Осмотрели автомобиль и нашли под передним крылом небольшой магнитный маячок.

Устройство поместили в пакет.

— Это для отслеживания местоположения? — спросила Лина.

— Похоже на то.

— Зачем ему знать, куда я езжу?

Полицейский пожал плечами.

— Будем спрашивать у него. Вы уверены, что это был Вадим?

— Да. У меня есть фотография.

Камеры подъезда тоже зафиксировали мужчину. Управляющая компания согласилась сохранить запись для полиции.

Лина смотрела, как сотрудник заполняет документы, и думала о том, сколько ещё невидимых дверей Андрей открыл чужим людям: рассказал адрес матери, передал сведения о машине, позволил использовать имя сына, обещал деньги,

которых не имел.

— Автомобилем сегодня не пользуйтесь, — посоветовал полицейский. — Сначала проверьте его в сервисе. Особенно колёса и тормоза.

— Вы думаете, он мог что-то повредить?

— Я не могу этого утверждать. Но лучше перестраховаться.

Когда сотрудники уехали, Павел подошёл к окну.

— Дядя хотел украсть машину?

— Я не знаю.

— А полиция его поймает?

— Постарается.

— Они хорошие?

Лина задумалась.

— Их работа — защищать людей и разбираться, что случилось.

— А папу они тоже защищают?

— Если ему угрожают — да. Но если он сделал что-то незаконное, они должны разобраться и в этом.

Павел нахмурился.

— Папа теперь преступник?

— Мы не знаем. И не будем придумывать раньше времени.

— А что мы знаем?

Вопрос был таким простым, что Лина не сразу нашла ответ.

— Мы знаем, что папа сейчас живёт отдельно. Что у него есть болезнь, из-за которой он не может остановиться и делает опасные вещи. И что ты в этом не виноват.

— И ты?

— И я.

— А бабушка?

— И бабушка.

— А кто виноват?

Лина села рядом.

— Взрослые отвечают за свои поступки. Папа отвечает за то, что делал он. Но болезнь — это не то же самое, что вина. Её нужно лечить.

— Таблетками?

— Иногда таблетками. Иногда разговорами с врачом. Иногда специальной программой. Но лечиться должен сам человек.

Павел подумал.

— Я бы выпил таблетку.

— Я знаю.

— Даже горькую.

Лина обняла его.

— Папе нужно сделать больше, чем выпить таблетку.

На следующий день они впервые пришли к Елене Сергеевне вместе.

Павел остановился у двери кабинета.

— Ты тоже зайдёшь?

— Да.

— А потом уйдёшь?

— Если ты захочешь остаться с Еленой Сергеевной один, я буду ждать за дверью. Но без твоего разрешения не уйду.

Он крепче сжал её руку.

Психолог не стала задавать вопросов об отце. Показала Павлу деревянный дом, фигурки людей и машинки.

— Здесь можно играть как захочешь, — сказала она.

Павел посадил маленького мальчика внутрь дома. Фигурку мамы поставил рядом с ним. Отца сначала взял в руку, но потом спрятал за деревянной стеной.

— А где папа? — спросила Елена Сергеевна.

— Его нет.

— Он ушёл?

— Он за дверью.

— Что он там делает?

Павел подвёл фигурку отца к маленькому окну.

— Смотрит.

— Мальчику нравится, что папа смотрит?

Павел покачал головой.

— Что может сделать мальчик?

— Спрятаться.

Он положил детскую фигурку под игрушечную кровать.

Лина почувствовала, как сжалось горло.

Елена Сергеевна не стала вытаскивать фигурку.

— А мама где?

Павел поставил её возле входа.

— Держит дверь.

— Ей не тяжело?

Мальчик задумался.

— Тяжело.

— Кто может ей помочь?

Он перебрал фигурки. Взял бабушку, но сразу отложил.

Потом выбрал маленькую женщину с папкой.

— Полиция.

— Хорошо. А мальчик может выйти из-под кровати?

— Потом.

— Когда?

Павел посмотрел на Лину.

— Когда папа перестанет сердиться.

— А если папа долго не перестанет?

Мальчик нахмурился.

— Тогда мальчик там будет жить.

Лина отвернулась, чтобы Павел не увидел её лица.

Елена Сергеевна осторожно поставила возле кровати игрушечную лампу.

— Даже если мальчик пока не выходит, ему можно включить свет.

Павел придвинул лампу ближе.

— И дать машинку.

Он положил рядом синюю игрушечную машину.

Через несколько минут Елена Сергеевна предложила на-

рисовать правила дома.

— У нас уже есть правила, — сказал Павел.

— Какие?

— Мама не соглашается из страха.

— Это мамино правило. А у тебя?

— Если я ошибся, мама остаётся.

— Очень важное правило. Добавим ещё?

Павел взял зелёный карандаш.

— Нельзя бить.

— Хорошо.

— Нельзя кричать.

Лина хотела поправить: иногда человек может закричать от боли или испуга. Но психолог жестом попросила её не вмешиваться.

— Что ещё? — спросила Елена Сергеевна.

— Нужно быть хорошим.

Мальчик произнёс это уверенно.

— А если не получается?

— Тогда тебя выгонят.

— Но мама сказала, что не выгонит.

— Мама может передумать.

Лина не выдержала:

— Не передумаю.

Павел посмотрел на неё.

— Папа тоже говорил, что всегда будет с нами.

В комнате стало тихо.

Вот почему обещание матери не работало. Павел уже слышал слово «всегда» от взрослого, который исчез из дома.

Елена Сергеевна положила перед ним новый лист.

— Давай не будем писать «всегда». Напишем то, что можно сделать сегодня.

— Что?

— Например: «Если мне страшно, я могу сказать маме».

Павел медленно вывел несколько неровных линий. Писать он ещё не умел, поэтому Елена Сергеевна подписала фразу сама.

— Ещё.

— «Можно сердиться».

— Ещё.

Мальчик посмотрел на мать.

— Плакать можно?

Лина кивнула.

— Можно.

— Даже мальчикам?

— Всем.

— Папа говорил, мальчики не плачут.

— Папа ошибался.

Павел взял синий карандаш и провёл под словами жирную линию.

«ПЛАКАТЬ МОЖНО».

Потом добавил:

— И маме тоже.

Лина почувствовала слёзы.

На этот раз не отвернулась.

Павел заметил их и замер. Обычно при виде её слёз он начинал суетиться: приносил воду, обещал хорошо себя вести, просил не плакать.

Теперь он спросил:

— Тебе грустно?

— Да.

— Из-за меня?

— Нет. Из-за того, что случилось со взрослыми.

— Мне нужно тебя обнять?

Лина поняла, насколько важен её ответ.

— Только если ты сам хочешь. Ты не обязан меня утешать.

Павел немного подумал и всё-таки подошёл. Не стал обнимать, а просто положил ладонь ей на колено.

Лина накрыла её своей рукой.

Елена Сергеевна прикрепила лист с правилами к стене игрушечного дома.

— Куда поставим папу? — спросила она.

Павел взял фигурку Андрея.

Поднёс к двери.

Но внутрь не поставил.

— Пусть сначала постучит.

После консультации Лина получила сообщение от Валентины Петровны:

«Андрей лёг в клинику. Если тебе не всё равно, позвони

ему».

Следом пришла фотография.

Андрей сидел на больничной кровати в серой футболке. На тумбочке лежала книга, рядом стоял стакан воды. Он смотрел в камеру устало и покорно.

Фотография выглядела именно так, как должна была выглядеть фотография человека, решившего лечиться.

Лина не ответила.

Она нашла номер клиники на табличке за спиной Андрея и позвонила в регистратуру.

— Подскажите, пожалуйста, у вас есть стационарная программа лечения игровой зависимости?

— Нет, — ответила администратор. — Мы занимаемся обследованием нервной системы и лечением расстройств сна. Стационара у нас вообще нет.

Лина снова открыла фотографию.

Кровать. Тумбочка. Стакан воды.

Не палата.

Комната кратковременного отдыха при диагностическом центре.

Андрей пришёл туда на консультацию, сел на кровать и попросил мать сделать снимок.

Из привычной правды он снова выбрал ту часть, которую близкие хотели увидеть.

Телефон завибрировал.

Сообщение от Андрея:

«Я начал лечение. Теперь ты выполни свою часть и заberi заявление».

Лина посмотрела на лист, который Павел унёс из кабинета психолога.

«Если мне страшно, я могу сказать маме».

«Можно сердиться».

«Плакать можно».

Она сфотографировала правила, но Андрею не отправила.

Вместо ответа переслала его сообщение юристу.

А затем дописала в свой список ещё одну строку:

«Лечение без правды — продолжение болезни».

Вечером капитан Крылов сообщил, что Вадима задержали при попытке снять оставшиеся деньги со счёта подставной фирмы.

При нём обнаружили второй телефон Андрея.

— Значит, угрозы писал Вадим? — спросила Лина.

— Он это отрицает. Утверждает, что телефон ему передал ваш муж.

— Зачем?

— По словам Вадима, Андрей попросил помочь убедить вас найти деньги.

— Убедить?

— Так он это назвал.

— А Андрей?

— Андрей утверждает, что отдал аппарат только для

оформления ставок и ничего не знал о сообщениях.

Две версии.

Один телефон.

И человек, который снова говорил каждому то, что могло его спасти.

— На устройстве есть переписка между ними? — спросила Лина.

— Есть. Потребуется время на изучение. Но одно сообщение относится непосредственно к вам.

— Какое?

Капитан сделал паузу.

— Андрей написал Вадиму: «Напугай её как следует. Когда Лина боится, она делает то, что нужно».

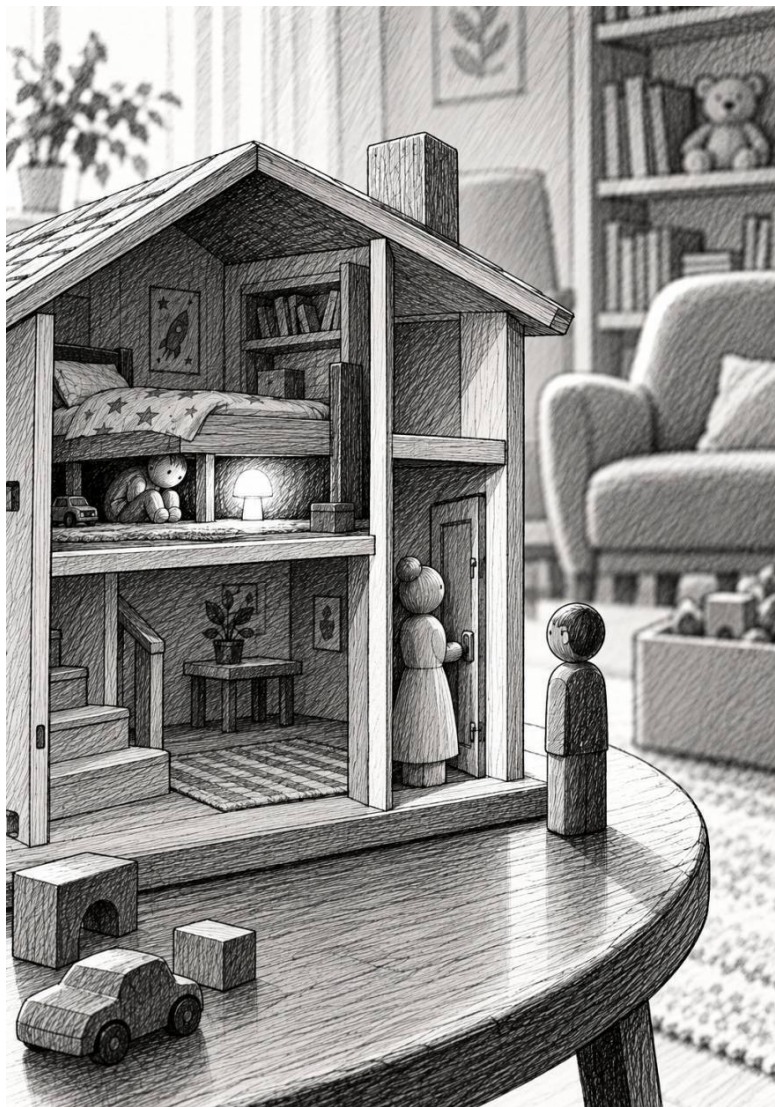
Лина закрыла глаза.

Теперь сомнений не осталось.

Угрозы не были случайным следствием его долгов.

Страх был способом управлять ею.

И Андрей прекрасно знал, как им пользоваться.

Глава 23. То, что он называл любовью

Утром Лина отнесла Павла в детский сад.

Перед выходом он трижды проверил карманы: машинка, носовой платок, маленький зелёный карандаш. Лист с новыми правилами пришлось сложить вчетверо и тоже взять с собой.

— Покажу Вере Ивановне, — объяснил Павел.

— Хорошо.

— Она разрешит плакать?

— Думаю, да.

— А другие дети не будут смеяться?

Лина застегнула его куртку.

— Если кто-то засмеётся, ты можешь сказать, что тебе неприятно. Или позвать воспитателя.

— А драться нельзя?

— Нельзя.

— Даже если смеются?

— Даже тогда.

Павел вздохнул.

— Трудные правила.

— Очень.

У входа в группу он остановился и крепко обнял мать.

— Ты придёшь?

— После полдника.

— Точно?

— Да.

— А если не сможешь?

Лина вспомнила совет психолога не обещать невозможного.

— Если задержусь, за тобой придёт бабушка Мария. Но одного тебя никто не оставит.

Павел достал сложенный лист и вошёл в группу.

Лина дождалась, пока за ним закроется дверь.

Сегодня ей предстояло снова говорить о том, что случилось. Не Андрею, не его матери и не себе перед зеркалом.

Официально.

В кабинете капитана Крылова находились ещё двое сотрудников. Один занимался материалами по служебным деньгам, второй — сообщениями с угрозами и попытками оформить кредит на имя Лины.

На столе лежал второй телефон Андрея в прозрачном пакете.

Лина сразу узнала потёртый чехол.

— Вы подтверждаете, что видели этот аппарат у мужа? — спросил капитан.

— Да. Он пользовался им тайно. Прятал в машине и выходил с ним ночью во двор.

— Когда вы впервые его обнаружили?

Лина назвала дату.

— Андрей говорил, для чего нужен второй телефон?

— Сначала утверждал, что аппарат старый и не работает. Потом сказал, что использовал его для ставок. Вчера сообщил вам, что потерял три дня назад.

— На устройстве сохранилась переписка с Вадимом, — сказал мужчина у окна. — Часть сообщений удалена, но специалисты восстанавливают данные.

— Вы нашли угрозы?

— Нашли обсуждение этих сообщений.

Он повернул к ней распечатку.

На первой странице Андрей писал:

«Она не отдаст деньги просто так».

Вадим ответил:

«Тогда пусть Сергей приедет».

«Он уже был. Она вызовет полицию».

«Значит, надо сделать так, чтобы боялась обращаться».

Дальше следовало сообщение Андрея:

«Напугай её как следует. Когда Лина боится, она делает то, что нужно».

Вадим спросил:

«Что написать?»

«Что пойдём к её матери. Она за мать сильнее испугается».

Лина читала медленно. Буквы расплывались перед глазами, но она не позволяла себе отвести взгляд.

— Это было отправлено до визита Сергея к моей маме?

— Да. Примерно за сорок минут.

— Сергей знал?

— Утверждает, что нет. По его словам, Вадим сообщил адрес и сказал, что там можно найти Андрея. Сам Сергей признаёт, что требовал возврата долга, но отрицает участие в запугивании.

— Он сказал моей матери, что будут последствия.

— Эти слова зафиксированы. Им дадут правовую оценку.

Лина перевернула страницу.

Следующее сообщение было от Вадима:

«Она молчит».

Андрей:

«Напиши про машину. Скажи, что продадим».

«Она поверит?»

«Она всегда верит, если речь про ребёнка или мать».

Лина положила распечатку на стол.

— Он использовал всё, что знал обо мне.

Капитан ничего не ответил.

— Почему Андрей сам не писал?

— Вероятно, не хотел, чтобы сообщения связывали с ним.

Вадим использовал его вторую сим-карту, но Андрей диктовал содержание. Это следует из переписки.

— Значит, он не просто знал.

— Судя по обнаруженным данным, был инициатором.

Последнее слово оказалось страшнее любого диагноза.

Инициатор.

Не беспомощный больной, которого зависимость заставила случайно напугать жену. Не заложник Вадима и Сергея. Андрей сам выбрал её страх как инструмент.

— Здесь ещё есть голосовые сообщения, — сказал сотрудник. — Вам необязательно слушать сейчас.

— Обязательно.

— Это может быть тяжело.

— Я должна знать.

Мужчина включил запись.

Сначала послышался шум машины. Затем голос Андрея:

— Только не переборщи. Не надо угрожать Павлу напрямую. Скажи, что если долг не вернут, проблемы будут у всей семьи.

Вадим засмеялся:

— Ты её лучше знаешь.

— Она сначала строит из себя сильную. Потом начинает думать, что из-за неё пострадают другие, и соглашается.

— А если не согласится?

— Согласится. Она всегда соглашается.

Запись закончилась.

Лина сидела неподвижно.

В памяти возникли десятки эпизодов. Андрей просил оформить кредит — она отказывалась. Тогда он говорил, что из-за неё они никогда не выберутся из бедности. Требовал купить вино — она объясняла, что Павел спит. Тогда он на-

чинал шуметь сильнее, пока ей не становилось проще выполнить требование, чем защищать тишину.

Просил деньги — она говорила «нет». Тогда появлялись Сергей, болезнь сына, угроза потерять дом, мать за дверью.

Он действительно знал её.

Знал, куда надавить.

И называл это любовью.

— Хотите сделать перерыв? — спросил капитан.

— Нет.

Лина взяла ручку.

— Давайте продолжим.

Она отвечала почти два часа.

Рассказала о ночи, когда Андрей требовал вина. О том, как он ходил за ней по комнатам и хватал за запястье. О долгах, ставках, попытке закрыть счёт Павла. О заявках на кредит от её имени и лжи про больного ребёнка.

Каждый эпизод по отдельности раньше казался недостаточно серьёзным. Он не ударил. Не вынес мебель. Не исчез навсегда. Не проиграл квартиру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.